

КОНСТИТУЦИЯ РСФСР 1918 г.: ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Л. В. Сморгунов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Статья посвящена 100-летию юбилею принятия первой российской конституции в 1918 г. Несмотря на разнообразие мнений относительно конституционализма в России, в статье проводится мысль о взаимосвязи конституционного процесса в истории России. Советская Конституция РСФСР 1918 г. анализируется в контексте радикальных трансформаций в России в первые десятилетия XX в., определяемых переходом от монархии к республике в процессе Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Автор обосновывает идею, что период после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. до разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. сопровождался попытками сохранить традиционную для правовой легитимности структуру подтверждения законности захваченной власти. Учредительное собрание зафиксировало ту историческую ситуацию начальной точки «неправа», когда верховенство права без власти оказалось неспособным на установление правового порядка. Первенство политики по отношению к праву, реализуемое большевиками, привело к переходу от законной революционности к установлению так называемой революционной законности, выраженной Конституцией 1918 г. Раскрываются основные направления дискуссий в процессе формирования конституционного проекта — о диктатуре пролетариата и демократии, национальном и территориальном принципах построения федерации, соотношении законодательной и представительной властей, а также структура и принципы принятого основного закона. Мобилизационный характер конституционализма этого периода определялся также политикой военного коммунизма, или «непосредственного строительства коммунизма» военно-политическими методами. Обосновывается исторически обусловленный характер советского конституционализма, зависящего от борьбы за власть и направлений политической стратегии.

Ключевые слова: российский конституционализм, Конституция 1918 г., легитимность, *неправо*, законная революционность, революционная законность, непосредственное строительство коммунизма, большевизм, мобилизация.

В 2018 г., 10 июля, исполнилось 100 лет со дня принятия V Всероссийским съездом Советов первой советской Конституции. Сегодня по прошествии стольких лет, особенно после крушения Советского Союза в декабре 1991 г. и советского принципа организации государственной власти в России в октябре 1993 г., события конституционного строительства первого года Октябрьской революции воспринимаются по-разному. Некоторые продолжают отдавать должное советскому опыту (Ромашов, 2016), другие пытаются увидеть в этом периоде поиска права исторические ограниченности (Чистяков, 2003; Земцов, 2006; Рощин, 2013; Чехарина, 2013), третьи опираются в своих исследованиях

на поиск идейных смыслов и мифологических конструкторов революционеров из большевистского лагеря (Медушевский, 2015; Шейнис, 2012). Всё же следует признать, что все извлекли из этого исторического опыта некоторые уроки. Может быть, еще не наступило время взвешенных оценок истории Советов, тем не менее можно сказать об особенностях времени принятия первой советской Конституции и дать характеристику ее основных принципов и норм. Проблема мнимости советской (шире — российской) конституционности может развиваться лишь в контексте естественно правовой философии, однако она теряет свое значение в рамках политического конституционализма, когда политические обстоятельства перевешивают легальную нормативность. На наш взгляд, советский период конституционализма вписывается не только в конституционную историю России, но и в общую логику конституционного процесса революционной эпохи (см. подробнее: Osipov, Smorgunov, 2017).

Российский конституционализм — одна из тем, представленных в российских исследованиях за рубежом (Russian studies). Анализ российского конституционализма в истории имперской России довольно разнообразен. Особенно это заметно в работах по истории русского либерализма (Fisher, 1958; Walicki, 1992; Hamburg, 1992; Balmuth, 2000), хотя некоторые исследования выражают скептицизм относительно наличия идей реального конституционализма в этот период (Dorosh, 1944; Sanders, 1992). Разумеется, внимание исследователей было привлечено к событиям 1905–1906 гг., когда конституционализм и политические идеи были воплощены в ряде институциональных реформ самодержавия (Hosking, 1973; Fröhlich, 1981; Enticott, 2016). Исследования, посвященные советским конституциям также разнообразны. Здесь заметны работы, связанные с проявлением границ конституционализма при социализме (Brecht, 1937; Unger, 1981). Изучение современного российского конституционализма проводится в соответствии с теориями постсоветского транзита. Большое внимание уделяется общему описанию конституционных основ постсоветского развития России (Sharlet, 1993; Ordeshook, 1997; Clark, 1998; Henderson, 2011). Особое внимание обращается на темы конституции и президентства, взаимодействия религии и государства, федеральной структуры и конституционный обзор (Brzezinski, 1993; Sharlet, 1994; Fogelklou, 2003; Scheppele, 2003; Basil, 2009; Flere, Lavrič, Djordjevič, 2016). Кроме того, есть работа по сравнительному анализу концепций, риторики и жанра советских и современных российских конституций (Ruutu, 2010; Schmid, 2010).

Советский конституционализм, отвергая либеральную тенденцию российского конституционализма, вынужден был установить законность и законы, хотя и в специфической форме. Советы все же вынуждены были следовать необходимости подтверждать легитимность своего существования в праве. Как пишет Питер Ордушук, «конституции имеют значение даже для государств без демократической традиции» (Ordeshook, 1997, p. 50). В общем мы можем согласиться с Ульрихом Шмидом, что «конституционный рассказ с его неявным жанром и риторикой следует понимать как ядро идентичности любого общества, которое решает организовать себя через юридические процедуры в рамках государства» (Schmid, 2010, p. 450). В этом отношении советские конститу-

ции интересны как способ подтвердить идентичность революционного начала в советской истории. Особенно интересен этот период российской истории в связи с вопросом о соотношении политики и права. Для политологов и юристов он дает широкие возможности интерпретации вопросов о реальной и мнимой конституционности, соотношении правовой и политической конституции, границах правовой определенности сформированного в советский период (в разное время) институционального порядка. Конечно, Конституция РСФСР 1918 г. «имела больше агитационное, чем юридическое значение» (Петров, 2017, с. 18). Однако связь между конституционными вопросами и политикой, конечно, не была случайной. В целом нужно согласиться с Катей Рууту, что советская и русская концептуальная история конституций более многогранная и более политическая по своему характеру, чем принято считать (Ruutu, 2010, р. 77). Именно Конституция РСФСР 1918 г. позволяет начать большой разговор о политической конституции в России.

В статье основная идея заключается в том, что период после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. до разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. сопровождался попытками сохранить традиционную для правовой легитимности структуру обоснования законности захваченной власти. Однако Учредительное собрание зафиксировало ту историческую ситуацию, когда верховенство права без власти оказалось неспособным на установление правового порядка. В дело вступила политика, и она оказалась решающей для трансформации законной революционности в революционную законность. При этом мы следуем веберовской традиции изучения явлений как способа интерпретации их содержания на основе использования языка соответствующей эпохи.

В связи с юбилейным характером предмета статьи она содержит не только описание данной трансформации, но и некоторые сюжеты, связанные с обсуждением конституционных вопросов в процессе подготовки Конституции 1918 г., а также общую характеристику ее структуры и содержания.

От законной революционности к революционной законности. Общую идею принятия Конституции 1918 г. можно выразить словами Николая Бухарина, одного из видных деятелей большевистской партии того периода и члена Конституционной комиссии, как идею перехода «от законной революционности к революционной законности». *Законная революционность* октября 1917 г., т. е. свержение Временного правительства Александра Керенского и установление власти Советов, определялась обстоятельствами двоевластия, сложившегося в результате Февральской революции 1917 г. С февраля по октябрь в стране фактически было две власти — Временное правительство Керенского и Советы рабочих и солдатских депутатов, а также Советы крестьянских депутатов. Лев Троцкий в брошюре «Уроки Октября», объясняя то, почему революционные советские партии не хотели начинать восстание ранее октября, писал: «Мы имели возможность — в большей или меньшей степени — приурочить захват власти к моменту II съезда Советов только потому, что “тихое”, почти “легальное” вооруженное восстание — по крайней мере, в Петрограде — было уже на три четверти, если не на девять десятых, свершившимся фактом. Мы называем это восстание “легальным” — в том смысле, что оно выросло из “нормальных”

условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины» (Троцкий, 1990, с. 279).

Результатом октябрьского вооруженного восстания 1917 г. явилось свержение Временного правительства Керенского и объявление 25 октября (7 ноября) в 10 утра Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов перехода власти к Советам. В его обращении «К гражданам России» говорилось: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона» (История, 1968, с. 20). Это был первый документ, зафиксировавший установление советской власти в России. II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов в 5 утра 26 октября (8 ноября) принимает воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам», в котором объявляет, что съезд берет власть в свои руки. Вместе с тем объявление Советами своей власти было легитимным лишь при следующих двух условиях: (1) Советы брали на себя обязательства решить те назревшие вопросы, которые не могло разрешить Временное правительство — вопросы о мире, земле, демократизации армии, равноправии наций (частично они были предметом Февральской революции); (2) сохранялась идея Учредительного собрания. Учредительное собрание как конституирующий орган власти в Российской республике определялось логикой Февральской революции 1917 г., покончившей с монархией и установившей республику. Временное правительство Керенского назначило всеобщие выборы Учредительного собрания на 12 (25) ноября 1917 г.¹ С этим были согласны и Советы. В октябре 1917 г. Временное правительство было низложено и власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но идея Учредительного собрания сохранялась, так как не только партии конституционных демократов, социалистов-революционеров, меньшевиков, анархистов и других, но и партия большевиков полагали всеобщее голосование легитимным фактом, выражающим волю народа и устанавливающим учреждающую власть. В. И. Ленин называл сосуществование Советов с Учредительным собранием временным «комбинированным типом» перехода от старого к новому (Ленин, 1969а, с. 375). Политика сохранения идеи Учредительного собрания после октября 1917 г. опиралась также на необходимость подтверждения «законной революционности» установления власти Советов. Поэтому в воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам» II Всероссийского съезда Советов содержится обещание обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания.

---

¹ Временное правительство заявило о созыве Учредительного собрания в декларации 2 (15) марта 1917 г. Постановление о назначении выборов на 17 (30) сентября было принято 14 (27) июня. Однако в августе они были перенесены на 12 (25) ноября 1917 г. Следует заметить, что Временное правительство не смогло осуществить эту идею, оттягивало выборы, что дало возможность большевикам увязать еще сильнее лозунг «Вся власть Советам!» с идеей созыва Учредительного собрания.

27 октября (10 ноября) Всероссийский центральный исполнительный комитет на первом заседании постановил провести выборы в установленный срок.

Идея Учредительного собрания, состоявшиеся 12 (25) ноября его выборы и принятое Советом народных комиссаров решение о его открытии в случае регистрации половины его членов накладывали определенные правовые ограничения на деятельность образованных съездом высших органов власти — Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК). Все советские декреты и постановления считались временными и действовали вплоть до созыва Учредительного собрания. Правительство — СНК — также считалось временным и образовывалось до созыва Учредительного собрания. В этом отношении «законная революционность» взятия власти Советами требовала правового подтверждения данным собранием. Правовая неопределенность ситуации относительно верховенства власти Советов сохранялась и после Октябрьской революции, так как большевики вынуждены были считаться со своими партнерами по коалиции в новом правительстве — левыми социалистами-революционерами (вошли в СНК в декабре 1917 г. и пробыли там до марта 1918 г.), представительством других партий в Советах и с демократическими настроениями населения, которое голосовало за Учредительное собрание и с ним в определенной мере связывало перспективы государственного строительства. Даже временное бюро фракции большевиков в избранном Учредительном собрании полагало, что созыв Учредительного собрания является завершающим этапом революции, они предлагали отказаться от контроля над этим процессом. Руководство партии большевиков было не согласно с этим. Бюро фракции было переизбрано на заседании ЦК РСДРП(б) 12 (25) декабря, и были приняты тезисы партии большевиков по отношению к Учредительному собранию. Суть этих тезисов состояла в том, что идея Учредительного собрания в условиях классовой борьбы за социализм становится реакционной, так как вокруг нее сплачиваются все контрреволюционные силы.

На смену принципу парламентаризма (а большевики считали его буржуазным), символом которого выступало Учредительное собрание, большевики выдвигали лозунг диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством в форме Советов. 3 (16) января 1918 г. ВЦИК принимает проект Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, который дорабатывается согласительной комиссией. Декларация выносится на обсуждение первого заседания Учредительного собрания 5 (18) января. Она стала документом, провозгласившим диктатуру пролетариата в форме Советов и задачи построения социализма. Учредительное собрание, за исключением фракции большевиков и левых эсеров, отказывается обсуждать этот документ. Заметим, что большинство Учредительного собрания отказывается не *принимать*, а *обсуждать* декларацию, и на этом основании Учредительное собрание было распущено Советами.

Логика большевиков в этом смысле базировалась на логике критики обычного демократического парламентаризма. Если Учредительное собрание отказывалось обсуждать, то тем самым оно демонстрировало, что не хочет идти ни на какие соглашения с Советами, которые к тому времени были единственной легитимной властью, вызревшей в условиях того конституционного порядка,

который до октября 1917 г. назывался «двоевластием». Именно Учредительное собрание обеспечивало эту легитимность с правовой точки зрения. И именно Учредительное собрание разрушило правовую конституцию сложившегося порядка, отказавшись обсуждать деятельность Советов в правовом поле, переводя его в плоскость политики. Но и в правовом, и в политическом смысле оно оказалось несостоятельным. Парламентаризм базируется на политике договора всех политических сил, и прежде всего это касается вопроса о согласии обсуждать выносимые этими силами вопросы и принимать решения на основе совместно выработанных правил после обсуждения. В политическом смысле большинство Учредительного собрания отказалось от соглашения «обсуждать». В правовом отношении оно нарушило правило «принимать решения после обсуждения». Советские партии большинства (большевики и левые эсеры) действовали здесь последовательно. Реально с октября 1917 г. учредительная власть находилась у Советов, в формально-правовом смысле — у созываемого Учредительного собрания. Советы до января 1918 г. пытались действовать в формально-правовом пространстве, отсылая свои законодательные акты к идее Учредительного собрания.

Однако логика большевиков, рассматривающая Учредительное собрание с точки зрения обычного парламентаризма, не учитывала то обстоятельство, что *Учредительное собрание не было обычным парламентом*. В правовом отношении это была власть, стоящая над любым правом и конституцией. Она вырастала из чрезвычайной ситуации революции и должна была создать конституционный порядок, т. е. принять Конституцию. В этом отношении отказ обсуждать «Декларацию» означал отказ принимать сложившийся порядок в качестве конституционного или содержащего основы такого порядка. Большевики апеллировали к тому, что избранный состав Учредительного собрания не отражал сложившуюся после октября 1917 г. политическую дифференциацию (прежде всего раскол эсеров на «левых» и «правых»), но это был аргумент внешний по отношению к идее Учредительного собрания. Они пытались исправить положение, приняв норму «отзыва депутатов», для того чтобы изменить ситуацию с представительством, но коренного изменения не произошло. Однако хотя Учредительному собранию и принадлежало право учреждать, но ему не хватило воли осуществить это учреждение. Учреждающий орган власти без воли оказался формальным и легко ликвидируемым. Вот почему его роспуск был неизбежен, но в то же самое время означал формирование такой учредительной власти, которая базировалась на реальной политической воле, действующей вне формальных рамок существующего права. Учредительное собрание не смогло реализовать свое право, Советы (советские партии большинства — большевики и левые эсеры) не смогли действовать в правовом поле, созданном Февральской демократической революцией 1917 г.² Событием, воплотившим

---

² Большинство Учредительного собрания ссылалось на то, что оно представляет волю народа. В то же самое время большевики говорили о том, что после раскола партии эсеров, представлявших крестьянство (тогда большинство народа России), единства народа уже не существует. В. И. Ленин в полемике с Карлом Каутским чрезвычайно подчеркивал исторический

это «неправо», выступила Гражданская война 1918–1921 гг. и политика «военного коммунизма». 6 (19) января декрет о роспуске Учредительного собрания принимается СНК, а в ночь с 6 (19) на 7 (20) января — ВЦИК. Так заканчивается период «законной революционности» и начинается период укрепления системы «революционной законности», в центре которой лежит идея подчинения права принципу революционной целесообразности. Основные принципы системы «революционной законности» фиксирует Конституция РСФСР 1918 г.

История принятия Конституции РСФСР 1918 г. Впервые идея необходимости определиться с конституционными основами новой власти после разгона Учредительного собрания появилась на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который проходил 10–18 (23–31) января 1918 г. Съезд утвердил Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая впоследствии была включена в Конституцию 1918 г. Декларация зафиксировала лишь завоевания и политические цели советской власти, но не касалась ее устройства. Поэтому был принят еще один документ, в основном подготовленный Иосифом Сталиным, тогдашним наркомом по национальным делам, — резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики». Эти два документа фактически являлись первоначальными конституционными документами Советской республики. Съезд постановил в п. 7 резолюции разработку основных положений Конституции возложить на ВЦИК для внесения их на следующий Съезд Советов. Инициаторами этого пункта резолюции выступили левые эсеры, озабоченные взаимоотношением между высшими и местными Советами. Вместе с тем вопрос об основах конституционного строя ранее уже был поднят Сталиным в его заключительном слове по докладу о национальном вопросе, и п. 7 резолюции фактически воспроизводил эту часть заключительного слова: «Резолюция содержит лишь общие основы Конституции, которые будут переданы для подробной разработки Центральному исполнительному Комитету и представлены на окончательное утверждение ближайшему съезду Советов» (Сталин, 1953а, с. 33).

Однако IV Съезд не занимался конституционными вопросами в связи с тяжелой обстановкой, возникшей в результате наступления германских войск, и сложной борьбой среди большевиков и левых эсеров относительно мирного договора с Германией. Практическая работа над Конституцией началась лишь в апреле 1918 г., хотя уже в конце февраля Народный комиссариат юстиции создал конституционную группу, которая проводила подготовительную работу. 30 марта ЦК Российской коммунистической партии (большевиков) рассматри-

---

аргумент в пользу разгона Учредительного собрания и установления диктатуры пролетариата (см.: Ленин, 1969б, с. 274–282). Это согласуется с интерпретацией Карлом Шмиттом диктатуры пролетариата, учредительная власть которой опиралась на идеи философии истории: «Суть такого понимания диктатуры состоит в том, что она конституирует исключение из органического развития, чтобы оправдать задачу, связанную с устранением механического препятствия, вставшего на пути имманентного исторического развития. Благодаря этому понятию имманентного органического развития возникает антитеза механическому и централистскому государству. Учредительная власть народа по-прежнему допускается, только с народом отождествляется пролетариат» (Шмитт, 2005, с. 168–169, сн. 22).

вает вопрос о необходимости создания конституционной комиссии. 1 апреля ВЦИК образует комиссию для разработки Конституции, в состав которой вошли пять членов, избираемых ВЦИК, и по одному от наркоматов внутренних дел, юстиции, финансов, по национальным делам, по военным делам и Всероссийского совета народного хозяйства (ВСНХ). Комиссия состояла в основном из большевиков, но в нее вошли также представители левых эсеров и партии максималистов (с совещательным голосом). Председателем комиссии был избран Я. М. Свердлов (председатель ВЦИК), его заместителем — М. Н. Покровский, секретарем — В. А. Аванесов.

Основными дискуссионными темами при выработке конституционного проекта были вопросы о диктатуре пролетариата и демократии, национальном и территориальном принципах построения федерации, соотношении СНК и ВЦИК и др. Левые эсеры и эсеры-максималисты настаивали на невключении принципа диктатуры пролетариата в проект. Последние представили «Проект Конституции Трудовой Республики», в которой диктатура пролетариата не упоминалась. «Левые коммунисты», по существу, также отрицали необходимость переходного периода от капитализма к социализму и сильного государства диктатуры пролетариата.

Большую дискуссию вызвал вопрос об основах федерального устройства Советской России. Концепция «левых коммунистов» была отражена в проекте «Основных начал Конституции», разработанном профессором М. А. Рейснером. В этом проекте роль Советов сводилась к функции простого представительства социально-хозяйственных коллективов трудящихся — «производителей». В принципе отрицалась национальная основа Советской федерации, и предлагалось строить Советскую республику «на началах свободного федеративного союза» отдельных городов, губерний, уездов и волостей. Это мотивировалось тем, что крупное государство и демократия несовместимы, что демократия возможна лишь в мелких самоуправляющихся коммунах, не подчиненных центральной государственной власти и объединенных в «вольную федерацию» (Кушнир, 1984). Член конституционной комиссии М. Я. Лацис предлагал положить в основу федерации географический принцип. Но все же победила позиция, согласно которой советский тип федерации должен строиться на национальной основе. Уже 4–5 апреля в газете «Правда» публикуется беседа с комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным, членом конституционной комиссии, в которой он разъясняет, что «Российская Федерация представляет собой союз не отдельных самостоятельных городов (как это думают карикатуристы из буржуазной прессы) или вообще областей (как это полагают некоторые наши товарищи), а союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом» (Сталин, 1953б, с. 68). Проекту Рейснера и других членов комиссии были противопоставлены «Тезисы о типе федерации», выработанные при участии Я. М. Свердлова и И. В. Сталина (Ронин, 1948). 19 апреля конституционная комиссия принимает большинством голосов проект общих положений конституции, разработанных Сталиным.

Значимым вопросом была тема соотношения ВЦИК и СНК. Ряд членов комиссии, прежде всего представители небольшевистских партий, утверждали,

что СНК игнорирует ВЦИК, бесконтрольно принимая законодательные акты. Поэтому в проекте Положения «Об отделах Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», подготовленного подкомиссией в составе А. И. Бердника, Г. С. Гурвича и М. Ю. Лациса, предлагалось упразднить Совнарком и народные комиссариаты, создав вместо них Совет ВЦИК и особые коллегии — отделы ВЦИК. Эти коллегии должны были делегировать на заседании Совета ВЦИК «непостоянных лиц». Деятельность коллегий должна была координироваться Советом ВЦИК, образуемым из представителей коллегий и членов ВЦИК, законодательные функции предоставлялись Всероссийскому съезду Советов ВЦИК, его Совету и отделам и, кроме того, «совокупности Советов, посылающих представителей на съезд Советов, а также 1/10 этих Советов». Выступивший против проекта подкомиссии Я. М. Свердлов заявлял, что предложения о ликвидации СНК и сосредоточении функций управления в отделах ВЦИК идут вразрез с происходящим на практике процессом постепенной ликвидации отделов ВЦИК и их слияния с одноименными народными комиссариатами (Скрипилев, 1968).

Как следует из воспоминаний Л. Д. Троцкого, не было единства и относительно того, включать ли в Конституцию Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Конституционная комиссия, пишет Троцкий, решила почему-то переработать ленинскую Декларацию прав трудящихся, «согласовав» ее с текстом Конституции. Троцкий получил переработанную часть декларации и ознакомился с ней в кабинете Ленина в присутствии Свердлова. Когда зашел разговор о декларации, то Троцкий недоумевал, зачем перерабатывать ее. Его поддержал и Ленин. Втроем они решили не менять текста декларации (Троцкий, 1990, с. 221–222).

По историческим свидетельствам, комиссия заседала последний раз 26 июня, разработав конституционные основы и ряд разделов Конституции. Однако полного конституционного текста она не подготовила. До сих пор не определено, кто же был автором первого проекта Конституции 1918 г., опубликованного 3 июля в «Известиях ВЦИК». По некоторым данным, это были Ю. М. Стеклов, член Конституционной комиссии от ВЦИК, редактор газеты «Известия ВЦИК», а также делегат V Всероссийского съезда Советов, председатель Казанского Совета Я. С. Шейнкман. Доработкой проекта занималась специальная комиссия ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным, созданная в конце июня и заседавшая уже после опубликованного проекта. Она внесла в него некоторые коррективы. Именно этот проект был предложен съезду Советов.

На первом же заседании V Всероссийского съезда Советов, открывшегося 4 июля, была образована комиссия из шести членов и трех кандидатов для рассмотрения проекта Конституции. 10 июля проект Конституции был утвержден съездом единогласно. Президиуму ВЦИК было поручено отредактировать и опубликовать текст. В своем постановлении о принятии Конституции (Основного закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики съезд указал: «Утвержденная III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа вместе с утверждаемой V Всероссийским съездом Советов Конституцией Советской

республики составляют единый Основной Закон Российской Советской Федеративной Республики». 19 июля первая Конституция РСФСР была опубликована в «Известиях ВЦИК» и таким образом вступила в действие. В. И. Ленин в своей речи «Что даст трудовому народу Советская конституция» на митинге в Хамовническом районе Москвы 26 июля так охарактеризовал ее значение: «Советская Конституция, создававшаяся, подобно Советам, в период революционной борьбы, — первая Конституция, провозгласившая государственной властью власть трудящихся, устранившая от прав эксплуататоров — противников строительства новой жизни. В этом главном ее отличии от конституций других стран и есть залог победы над капиталом» (Ленин, 1974, с. 534).

Конституция «непосредственного строительства коммунизма» военно-политическими методами. Конституция РСФСР 1918 г. разрабатывалась и принималась в тот период, который получил в советской историографии наименование «военный коммунизм». Это была первая конституция, фиксирующая устройство государства советского типа, хотя ее значение не определяется только государственными установлениями. Именно «военный коммунизм» наложил серьезный отпечаток на ее содержание и форму. Последующие советские конституции СССР 1924, 1936, 1977 гг. и созданные на их основе конституции РСФСР сохраняют с ней определенную мировоззренческую преемственность, но они все же являются политико-правовыми документами иных периодов советской истории. Конституция же 1918 г. выражает по преимуществу философию права эпохи «непосредственного строительства коммунизма» военно-политическими средствами.

«Военный коммунизм» был исторически первым крупным политическим периодом социалистического строительства. С одной стороны, политика «военного коммунизма» определялась конкретными причинами развития революции в условиях Гражданской войны, иностранной военной интервенции и экономической разрухи. В материальном производстве и распределении этот период характеризовался следующим образом: сдачей крестьянами излишков продовольствия государству либо частично в обмен на продовольствие, либо без вознаграждения как плата за защиту от восстановления помещичьих хозяйств; концентрацией промышленного производства в руках Советского государства и управлением им на началах строгой централизации (главклизм); распределением продовольствия на основе классового пайка и по принципу «кто не работает, тот не ест»; запрещением частной торговли; предоставлением населению в обмен на труд почти бесплатного продовольствия, предметов широкого потребления (натурализация заработной платы); наличием строгого учета количества и качества произведенной продукции и уравнительностью распределения; переходом к натуральному обмену вместо денежного обращения («отмирание денег»); привлечением к труду всего трудоспособного населения в порядке трудовой повинности (милитаризация труда) (Берхин, 1970; Гимпельсон, 1973).

С другой стороны, эта политика часто интерпретировалась не только в качестве вынужденной меры, но и как определенный способ социалистического строительства. В. И. Ленин в 1921 г. признал, что идеологические истоки непосредственного перехода к коммунизму были связаны не только с духом во-

енного времени, но и в значительной мере со всей теоретической платформой большевиков накануне и после октября 1917 г. Теория социализма тогда разрабатывалась как радикальное отрицание капитализма и непосредственное социалистическое строительство. «Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, — говорил Ленин на VII Московской губпартконференции, — которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, — из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству» (Ленин, 1970, с. 197).

Эта идеология непосредственного строительства социализма радикальными средствами наложила свой отпечаток на понимание многих процессов, в том числе и конституционного строительства. М. Н. Покровский, один из членов Конституционной комиссии 1918 г., входивший во фракцию большевиков во ВЦИКе, достаточно красноречиво писал об этом периоде: «Казалось, что так блестяще удалось на военном фронте, удастся и в народном просвещении, и в народном хозяйстве... Нас, — я скажу это откровенно, потому что испытал это на себе, — нас пьянила в известной степени эта быстрота. Дело пошло таким темпом, что нам казалось, что мы от коммунизма — коммунизма, созданного собственными средствами, не дожидаясь победы пролетарской революции на Западе, — что мы от этого коммунизма очень близки» (Покровский, 1924, с. 21). Другой член Конституционной комиссии от большевиков Н. И. Бухарин подтверждал, что в тот период «военный коммунизм» мыслился не как «военный», т. е. пригодный только для определенной ступени в развитии Гражданской войны, а как универсальная, всеобщая, нормальная форма экономической политики победившего пролетариата (Бухарин, 1924, с. 4).

Революционное правосознание основывалось на позитивистском отношении к праву как выражению государственной воли. При этом государственная власть рассматривалась с классовых позиций. Право устанавливалось государством в качестве инструмента регулирования общественных отношений в интересах господствующего класса. Оно рассматривалось как возведенная в закон воля господствующего класса. Никакое естественное право не признавалось, позитивное же право выступало рациональным инструментом решения политических задач. Старое буржуазное право, как и государство, считалось выражением воли буржуазии и требовало своего слома, разрушения в условиях социалистической революции. В этом отношении господствующая воля, как полагали, не могла быть ограниченной или подвергнутой оценке с точки зрения универсальной правовой справедливости. Утверждаемые и поддерживаемые силой государства законы полагались справедливыми, если они соответствовали революционным задачам пролетариата, т. е. задачам свержения капитала и установления социализма. Принцип правового государства считался пережитком религиозного сознания, получившим формальное выражение в буржу-

азной демократии. Вот оценка этого принципа известным правоведом той поры Е. Пашуканисом: «Правовое государство — это мираж, но мираж весьма удобный для буржуазии, потому что он заменяет выветрившуюся религиозную идеологию» (Пашуканис, 1924, с. 111). Отрицание естественно-правового мировоззрения сопровождалось критикой и договорных концепций права, и правового государства. Считалось, что договор фиксировал лишь формальное равенство сторон при фактическом неравенстве и эксплуатации одного класса другим. Поэтому договорное право является фальшивым и требует упразднения.

Революционная законность опиралась на подчинение права политике и революционной целесообразности. Инструментальный характер права дополнялся принципом релятивизма, когда право, не имеющее в себе самого обоснования признанности и устойчивости, рассматривалось как изменчивая структура, постоянно трансформирующаяся под влиянием революционных задач. В этом случае нет необходимости в конституционном надзоре и контроле, так как и конституция не является долговременной, а подчиняется революционному процессу перемен. России, по мнению профессора М. А. Рейснера, одного из разработчиков первой советской Конституции, необходима гибкая и подвижная конституция, которая не давала бы возможности «останавливаться на закостенелых формах», а для этого она «построена на началах не правовой законности, а целесообразности, телеологии, позволяющей влить в нее любое содержание». «Поэтому, когда мы говорим, что в основу нашей конституции положена идея цели и целесообразности, это значит, что наш основной закон не есть воплощение неподвижности и мертвой справедливости... но есть только рабочий чертеж, план общественного строительства... А такой план не претендует на непогрешимость. <...> Отсюда вытекает и для нас совершенно иное отношение к основному закону или конституции, нежели то, которое мы встречаем при конституции строго правовой. И если в последнем случае главная задача заключается в толковании и применении раз и навсегда установленного закона и приходится подгонять под него все другие или совершенно не предусмотренные случаи, то у нас на первое место выдвигается обязанность постоянной критики и работы над усовершенствованием конституционного закона» (цит. по: Митюков, 2001, с. 82). Ориентация на цели подтверждается, в частности, и лингвистическим анализом этого документа, в котором доминируют так называемые нормы-цели. Как свидетельствует К. Н. Лоскутова, «текст Конституции 1918 г. отличается концентрацией таких лексем, как *цель, задача, подготовка, переходный*, которые объединены общим компонентом значения — *будущее*» (Лоскутова, 2011, с. 218).

Советская Конституция 1918 г. формировалась в условиях развития и укрепления так называемой революционной законности, подчиненной задачам непосредственного строительства социализма военно-политическими методами. В то же время она явилась исторически значимым событием, так как это была первая конституция России, определявшая ее государственное устройство в виде системы Советов и политические цели развития — построение социализма. Она имела учреждающий характер, на ее основе строилась политико-правовая реальность того времени. Конституция была политическим

документом, выражающим задачи власти и мобилизующим на их выполнение. Несмотря на многие иллюзорные и неправовые моменты, она все же выступала нормативной основой для формирования основных отраслей советского права — уголовного, гражданского, административного, бюджетного, избирательного и др. Многие исследователи сегодня все же подчеркивают, что Конституция 1918 г. имела по преимуществу политический и идеологический характер, скорее закрепляла новый характер власти и ее целевую функцию и навязывала в виде основного закона идеологию большевистской партии.

Основные принципы и нормы Конституции 1918 г. Первая советская Конституция России состояла из шести разделов, 17 глав и 90 статей. Конституция базировалась на следующих основных принципах: (1) единство власти в форме Советов; (2) классовый принцип организации власти и управления: диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства; (3) федеративное устройство государства по национальному признаку; (4) единство прав и обязанностей граждан советской республики; (5) социалистический характер общественного устройства России и политики советской власти; (6) свободное самоопределение наций, пролетарский интернационализм и демократический мир трудящихся.

Первый раздел включал в себя Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятую III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. Ее смысл и значение состояли в утверждении социалистических завоеваний Октябрьской революции 1917 г., советской власти в России и определении основных начал ее внутренней и внешней политики. Здесь фиксировалось, что Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым принадлежит вся власть в центре и на местах. Формой государственного устройства объявлялась федерация советских национальных республик. Утверждалось, что основной задачей советской власти является уничтожение эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах. С этой целью закреплялись некоторые основные шаги, которые, полагалось, способствуют в переходный период созданию основ социализма: национализация земли, банков, лесов, недр и воды общегосударственного значения; рабочий контроль на предприятиях; всеобщая трудовая повинность; аннулирование займов, заключенных старым правительством, и др. Принципами международной политики объявлялись право наций на самоопределение, открытость внешней политики («разрыв тайных договоров»), пролетарский интернационализм («братание с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий») и демократический мир трудящихся. Раздел содержал также общую норму исключения эксплуататоров из органов государственной власти и принадлежность их исключительно трудящимся массам. Эта норма в дальнейшем конкретизировалась в лишении прав отдельных лиц и групп, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции³.

---

³ Относительно лишения ряда социальных категорий пассивного и активного избирательного права большевики разъясняли, что это обстоятельство является особенностью России и не

Второй раздел Конституции конкретизировал ряд общих принципов, установил конструкцию государственной власти, определил соотношение провозглашаемых свобод и обязанностей граждан. В этом разделе содержится определение места Конституции как документа, рассчитанного на переходный период установления диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства. Верховной властью в стране определялся Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами — ВЦИК. Декларировалась свобода совести для трудящихся и в связи с этим отделение церкви от государства и школы от церкви, а также свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды. Конституция подчеркивала, что провозглашаемые свободы собраний, выражения мнений, союзов и доступа к знанию должны носить «действительный» характер, следовательно, гарантироваться государством в виде предоставления трудящимся материальных условий их обеспечения. При этом провозглашались обязанности граждан трудиться, защищать социалистическое отечество и устанавливалась всеобщая воинская повинность. Особо подчеркивалось, что государство признает равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, не допускает установления каких-либо преимуществ или привилегий на этом основании.

Третий раздел был посвящен конструкции советской власти и устанавливал систему Советов различных уровней, определял порядок их формирования и взаимоотношений. Особые главы описывали место Всероссийского съезда Советов, ВЦИКа и СНК, состав правительства, предметы ведения органов государственной власти. Устанавливался многоступенчатый характер формирования съездов Советов различных уровней, включая и Всероссийский съезд Советов. При этом представительство на Всероссийском съезде Советов было неравным для города и деревни, пятикратное преимущество имели городские Советы по сравнению с губернскими. Особо следует подчеркнуть, что советская власть не признавала принципа разделения властей, а строилась по принципу единства власти. Так, Конституция устанавливала, что ведению Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа подлежат все вопросы общегосударственного значения, при этом ВЦИК вправе отменять или приостанавливать всякое постановление или решение правительства — СНК. Таким образом, в систему принципов организации государственной власти вводился принцип сочетания коллективного и персонального руководства и управления.

Четвертый раздел устанавливал активное и пассивное избирательное право, пятый раздел — бюджетное право, а шестой был посвящен гербу и флагу РСФСР.

Критики Конституции РСФСР 1918 г. сразу же отметили несоответствие ее принципов и норм демократической конституции. Особо отмечались диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, классовый характер организации

может распространяться в качестве универсального правила, впрочем так же, как и предоставление этого права после революции: «Надо заметить, что вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть чисто русский вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата» (Ленин, 1969б, с. 265).

власти, отсутствие принципа равноправия, подчеркнута идеологическая направленность и другие ее признаки. Вместе с тем следует учесть, что принятие этого документа способствовало внедрению в общественное сознание значения конституционности как основы общественной жизни, власти и управления в России. Хотя революционная законность и подчинялась принципу революционной целесообразности, однако на ее основе в условиях послереволюционной разрухи и военной обстановки были введены определенные правовые нормы. VI Всероссийский съезд Советов 8 ноября 1918 г. принимает специальное постановление о революционной законности по докладу наркома юстиции Д. И. Курского уже на основе принятой Конституции.

***

Множество различных интерпретаций свидетельствуют об исторической и принципиальной ограниченности Конституции РСФСР 1918 г. и в целом системы революционной законности; новые исследования будут уточнять старые выводы и давать более адекватные суждения. Но уже вполне ясно, что первая российская Конституция 1918 г. является историческим фактом революционной эпохи, когда надежды и иллюзии переплетались с вполне прагматическими задачами борьбы за власть. Как справедливо пишет А. Н. Медушевский, «оригинальность советской версии номинального конституционализма определялась уникальным сочетанием декларативных принципов и подлинных социальных функций данной модели политико-правового регулирования, а ее выражением стал механизм подмены правовых норм изменяющимися идеологическими конструкциями их смысла» (Медушевский, 2015, с. 137). Хотя проблема номинализма Конституции 1918 г. является выражением отношения автора к возможности существования конституционализма в советской системе, однако в целом верно, что первая советская конституция скорее была намерением, чем отражением существа возможного права при социализме. Это понимали и сами строители/конструктивисты, когда следовали принципу первенства политики по отношению к праву.

Литература

- Берхин И. Б.* Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М.: Наука, 1970. 238 с.
- Бухарин Н.* О ликвидаторстве наших дней // Большевик. 1924. № 2. С. 1–9.
- Гимпельсон Е. Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Мысль, 1973. 296 с.
- Земцов Б. Н.* Конституционные основы большевистской власти (первая советская конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 65–74.
- История государства и права СССР: сборник документов. М.: Юрид. лит., 1968. 598 с.
- Кушнир А. Г.* Первая Конституция СССР (к 60-летию принятия). М.: Знание, 1984. 64 с.
- Ленин В. И.* К пересмотру партийной программы // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969а. Т. 34. С. 351–381.
- Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969б. Т. 37. С. 235–338.
- Ленин В. И.* VII Московская губпартконференция 29–31 октября 1921 г. // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. С. 191–220.

Ленин В. И. Речь на митинге в Хамовническом районе 26 июля 1918 г. Краткий газетный отчет // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 534.

Лоскутова К. Н. Язык права в политической лингвистике (тексты советских конституций 1918 и 1936 годов) // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 217–222.

Медушевский А. Н. Миф коммуны и становление советского государства (к переосмыслению Конституции РСФСР 1918 года) // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 121–140.

Митюков М. А. Зарождение идей конституционного правосудия в России (XIX — начало XX в.) // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 1 (11). С. 57–83.

Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий). М.: Изд-во Соц. академии, 1924. 160 с.

Петров Ю. А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура // Вестник РФФИ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2017. № 2. С. 13–24.

Покровский М. Н. Семь лет пролетарской диктатуры. М.: Госиздат, 1924. 31 с.

Ромашов Р. А. Конституция РСФСР 1918 г. как источник российской революционной конституционализма // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 27–34.

Ронин С. Л. Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 года). М.: Юрид. изд-во, 1948. 124 с.

Роцин Б. Е. Основные конституционные принципы «советской демократии» в условиях «пролетарской диктатуры» (к 95-летию принятия первой российской конституции) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 161–165.

Скрипилёв Е. А. Первая Советская Конституция. М.: [б. и.], 1968. 53 с.

Сталин И. В. Заключительное слово по докладу о национальном вопросе 15 января // Сталин И. В. Сочинения. М.: Политиздат, 1953а. Т. 4. С. 33–36.

Сталин И. В. Организация Российской Федеративной Республики // Сталин И. В. Сочинения. М.: Политиздат, 1953б. Т. 4. С. 66–73.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

Чехарина В. И. Проблематика избирательного права в трудах советских государствоведов (1918–1937 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 92–108.

Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года: учеб. пос. М.: ИКД Зерцало-М, 2003. 216 с.

Шейнис В. Л. Большевицкая власть и первая советская конституция // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 106–121.

Шмитт К. Диктатура. От истоков идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

Balmuth D. "The Russian Bulletin", 1863–1917: A Liberal Voice in Tsarist Russia. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2000. 462 p.

Basil J. Problems of state and church in the Russian Federation: Three points of view // Journal of Church and State. 2009. Vol. 51, N 2. P. 211–235.

Brecht A. The new Russian constitution // Social Research. 1937. Vol. 4, N 2. P. 157–190.

Brzezinski M. Toward 'constitutionalism' in Russia: The Russian Constitutional Court // International and Comparative Law Quarterly. 1993. Vol. 42, N 3. P. 673–690.

Clark W. Presidential power and democratic stability under the Russian constitution: A comparative analysis // Presidential Studies Quarterly. 1998. Vol. 28, N 3. P. 620–637.

Dorosh H. Russian constitutionalism. New York: Exposition Press, 1944. 126 p.

Enticott P. The Russian Liberals and the Revolution of 1905. London; New York: Routledge, 2016. 222 p.

Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958. 240 p.

Flere S., Lavrič M., Djordjevič D. B. Religious references in the constitutions of European post-communist countries and ethno-symbolism // Journal of Church and State. 2016. Vol. 59, N 3. P. 466–488.

Fogelklou A. Constitutionalism and the presidency in the Russian Federation // *International Sociology*. 2003. Vol. 18, N 1. P. 181–198.

Fröhlich K. The Emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904. Hague; Boston; London: Martinus Nijhoff, 1981. 349 p.

Hamburg G. M. Boris Chicherin & Early Russian Liberalism. 1828–1866. Stanford, Ca: Stanford University Press, 1992. 443 p.

Henderson J. The Constitution of the Russian Federation: A contextual analysis. Oxford: Hart Publishing, 2011. 310 p.

Hosking G. The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 281 p.

Ordeshook P. Constitutions for new democracies: Reflections of turmoil or agents of stability? // *Public Choice*. 1997. Vol. 90, N 1–4. P. 55–70.

Osipov I., Smorgunov L. Russian Constitutionalism // *The Concept of Constitution in the History of Political Thought* / eds. A. Górnisiewicz, B. Szlachta. Berlin: De Grueter Open, 2017. P. 125–145.

Ruutu K. Future, past and present in Russian constitutional politics: Russian constitutions in a conceptual-historical perspective // *Review of Central and East European Law*. 2010. Vol. 35, N 1. P. 77–100.

Sanders D. Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881. London; New York: Routledge, 1992. 400 p.

Scheppele K. Constitutional negotiations. Political contexts of juridical activism in post-Soviet Europe // *International Sociology*. 2003. Vol. 18, N 1. P. 219–238.

Schmid U. Constitution and narrative: peculiarities or rhetoric and genre in the foundational laws of the USSR and the Russian Federation // *Studies in East European Thought*. 2010. Vol. 62, N 3/4. P. 431–451.

Sharlet R. Russian constitutional crisis: Law and politics under Yel'tsin // *Post-Soviet Affairs*. 1993. Vol. 9, N 4. P. 314–336.

Sharlet R. The prospect for federalism in Russian constitutional politics // *Publius: The Journal of Federalism*. 1994. Vol. 24, N 2. P. 115–127.

Unger A. Constitutional Development in the USSR. A guide to the Soviet constitutions. London: Methuen & Co. Ltd., 1981. 310 p.

Walicki A. Legal Philosophers of Russian Liberalism. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. 477 p.

Сморгунов Леонид Владимирович — д-р филос. наук, проф.; l.smorgunov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 1 мая 2018 г.;

рекомендована в печать: 4 июля 2018 г.

Для цитирования: *Сморгунов Л. В.* Конституция РСФСР 1918 г.: философия права военного коммунизма // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2018. Т. 14, № 1. С. 29–48. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.103>

CONSTITUTION OF THE RSFSR 1918: LAW PHILOSOPHY OF WAR COMMUNISM

Leonid V. Smorgunov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russia; l.smorgunov@spbu.ru

The article is dedicated to the 100th anniversary of the adoption of the first Russian constitution in 1918. Despite the diversity of opinions on constitutionalism in Russia, the article pays attention to the relationship between the constitutional process in the history of Russia. The Soviet Constitution of the RSFSR of 1918 is analysed in the context of radical transformations in Russia in the first decades of the 20th century, determined by the transition from monarchy to the republic during the February and October revolutions of 1917. The author justifies the idea that

the period after the seizure of power by the Bolsheviks in October 1917 before the dissolution of the Constituent Assembly in January 1918, it was accompanied by attempts to preserve the traditional legal legitimacy for justifying the legitimacy of the seized power. The Constituent Assembly fixed that historical situation of “nonlaw” when the rule of law without power proved incapable of establishing a legal order. The primacy of politics in relation to law, implemented by the Bolsheviks, led to the transition from legitimate revolutionarism to the establishment of the so-called revolutionary legality, expressed in the Constitution of 1918. The main directions of discussions in the process of forming a constitutional project — the dictatorship of the proletariat and democracy, the national and territorial principles of construction of federation, the relationship between the legislative and representative authorities, as well as the structure and basic principles of the adopted basic law. The mobilisation character of the constitutionalism of this period was also determined by the policy of military communism, or “the direct construction of communism” by military-political methods. The historically conditioned character of the Soviet constitutionalism, dependent on the struggle for power and the political strategy of development is substantiated.

Keywords: Russian constitutionalism, Constitution of 1918, legitimacy, *nonlaw*, legitimate revolutionarism, revolutionary legality, direct construction of communism, Bolshevism, mobilisation.

References

Balmuth D. *“The Russian Bulletin”, 1863–1917: A Liberal Voice in Tsarist Russia*. New York, Peter Lang Publishing Inc., 2000, 462 p.

Basil J. Problems of state and church in the Russian Federation: Three points of view. *Journal of Church and State*, 2009, vol. 51, no. 2, pp. 211–235.

Berkhin I. B. *Ekonomicheskaia politika Sovetskogo gosudarstva v pervye gody Sovetskoi vlasti [Economic policy of Soviet state in the first years of the Soviet power]*. Moscow, Nauka, 1970, 238 p. (In Russian)

Brecht A. The new Russian constitution. *Social Research*, 1937, vol. 4, no. 2, pp. 157–190.

Brzezinski M. Toward ‘constitutionalism’ in Russia: The Russian Constitutional Court. *International and Comparative Law Quarterly*, 1993, vol. 42, no. 3, pp. 673–690.

Bukharin N. O likvidatorstve nashikh dnei [On liquidation of our days]. *Bol’shevik [Bolshevik]*, 1924, no. 2, pp. 1–9. (In Russian)

Chekharina V.I. Problematika izbiratel’nogo prava v trudakh sovetskikh gosudarstvedov (1918–1937 gg.) [The issues of electoral rights in the works of Soviet academic lawyers (1918–1937)]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk [The works of the Institut of state and law of the Russian Academy of Sciences]*, 2013, no. 6, pp. 92–108. (In Russian)

Chistiakov O.I. *Konstitutsiia RSFSR 1918 goda: Uchebnoe posobie [The Constitution of the RSFSR of 1918. Textbook]*. Moscow, IKD Zertsalo-M, 2003, 216 p. (In Russian)

Clark W. Presidential power and democratic stability under the Russian constitution: A comparative analysis. *Presidential Studies Quarterly*, 1998, vol. 28, no. 3, pp. 620–637.

Dorosh H. *Russian constitutionalism*. New York, Exposition Press, 1944, 126 p.

Enticott P. *The Russian Liberals and the Revolution of 1905*. London, New York, Routledge, 2016, 222 p.

Fisher G. *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1958, 240 p.

Flere S., Lavrič M., Djordjevič D.B. Religious references in the constitutions of European post-communist countries and ethno-symbolism. *Journal of Church and State*, 2016, vol. 59, no. 3, pp. 466–488.

Fogelklou A. Constitutionalism and the presidency in the Russian Federation. *International Sociology*, 2003, vol. 18, no. 1, pp. 181–198.

Fröhlich K. *The Emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904*. Hague, Boston, London, Martinus Nijhoff, 1981, 349 p.

Gimpelson E. G. «*Voennyi kommunizm*»: *politika, praktika, ideologiya* [The “War Communism”: politics, practice, ideology]. Moscow, Mysl, 1973, 296 p. (In Russian).

Hamburg G. M. *Boris Chicherin & Early Russian Liberalism. 1828–1866*. Stanford, Ca, Stanford University Press, 1992, 443 p.

Henderson J. *The Constitution of the Russian Federation: A contextual analysis*. Oxford, Hart Publishing, 2011, 310 p.

Hosking G. *The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 1973, 281 p.

Istoriia gosudarstva i prava SSSR: sbornik dokumentov [History of the State and Law in the USSR. Collection of the documents]. Moscow, Jurid. Lit., 1968, 598 p. (In Russian)

Kushnir A. G. *Pervaya Konstitutsiia SSSR (k 60-letiiu priniatiia)* [The First Constitution of the USSR (on the 60th anniversary of adoption)]. Moscow, Znanie, 1984, 64 p. (In Russian)

Lenin V.I. K peresmotru partiinoi programmy [To the revision of the party program]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t.* [Whole collection of the works. 55 vol.]. Moscow, Politizdat, 1969a, vol. 34, pp. 351–381. (In Russian)

Lenin V.I. Proletarskaia revoliutsiia i renegat Kautskii [The proletarian revolution and renegade Kautsky]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t.* [Whole collection of the works. 55 vol.]. Moscow, Politizdat, 1969b, vol. 37, pp. 235–338. (In Russian)

Lenin V.I. Rech' na mitinge v Khamovnicheskom raione 26 iul'ia 1918 g. Kratkii gazetnyi otchet [Speech at a rally in the Khamovniki district on July 26, 1918. Brief newspaper report]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t.* [Whole collection of the works. 55 vol.]. Moscow, Politizdat, 1974, vol. 36, p. 534. (In Russian)

Lenin V.I. VII Moskovskaia gubpartkonferentsiia 29–31 oktiabria 1921 g. [VII Moscow Gubernia Party Conference 29–31 October 1921]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t.* [Whole collection of the works. 55 vol.]. Moscow, Politizdat, 1970, vol. 44, pp. 191–220. (In Russian)

Loskutova K. N. Iazyk prava v politicheskoi lingvistike (teksty sovetskikh konstitutsii 1918 i 1936 godov) [Language of law in political linguistics (the texts of Soviet constitutions of 1918 and 1936)]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 4, pp. 217–222. (In Russian)

Medushevsky A. N. Mif kommuni i stanovlenie sovetskogo gosudarstva (k pereosmysleniiu Konstitutsii RSFSR 1918 goda) [The Myth of Commune and formation of the Soviet state (Reinventing the Constitution of the RSFSR of 1918)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2015, no. 4, pp. 121–140. (In Russian)

Mitkov M. A. Zarozhdenie idei konstitutsionnogo pravosudiia v Rossii (XIX — nachalo XX v.) [The birth of the ideas of constitutional justice in Russia (19th — beginning 20th centuries)]. *Konstitutsionnoe pravosudie. Vestnik konferentsii organov konstitutsionnogo kontroliia stran molodoi demokratii* [Constitutional justice. Bulletin of the conference of the constitutional control bodies of the young democracy countries], 2001, no. 1 (11), pp. 57–83. (In Russian)

Ordeshook P. Constitutions for new democracies: Reflections of turmoil or agents of stability? *Public Choice*, 1997, vol. 90, no. 1–4, pp. 55–70.

Osipov I., Smorgunov L. Russian Constitutionalism. *The Concept of Constitution in the History of Political Thought*. Eds. A. Górniewicz, B. Szlachta. Berlin, De Gruyter Open, 2017, pp. 125–145.

Pashukanis E. *Obshchaia teoriia prava i marksizm (opyt kritiki osnovnykh iuridicheskikh poniatii)* [General theory of law and Marxism (Practice of critics of basic law concepts)]. Moscow, Izd. Soc. Akad., 1924, 160 p. (In Russian)

Petrov Yu. A. Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura [Russian revolution: power, society, and culture]. *Vestnik RFFI. Seriia «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki»* [The Bulletin of the RFFR. Humanitarian and social sciences], 2017, no. 2, pp. 13–24. (In Russian)

Pokrovsky M. N. *Sem' let proletarskoi diktatury* [Seven years of proletarian dictatorship]. Moscow, Gospolitizdat, 1924, 31 p. (In Russian)

Romashov R. A. Konstitutsiia RSFSR 1918 g. kak istochnik rossiiskogo revoliutsionnogo konstitutsionalizma [1918 Constitution of the RSFSR as an origin of Russian revolutionary constitutionalism]. *Mir politiki i sotsiologii* [World of politics and sociology], 2016, no. 9, pp. 27–34. (In Russian)

Ronin S. L. *Pervaia Sovetskaia Konstitutsiia (k istorii razrabotki Konstitutsii RSFSR 1918 goda)* [The First Soviet Constitution (history of preparing the 1918 Constitution of the RSFSR)]. Moscow, Iurid. Izdat., 1948, 124 p. (In Russian)

Roschin B. E. Osnovnye konstitutsionnye printsipy «sovetskoi demokratii» v usloviakh «proletarskoi diktatury» (k 95-letii priniatiia pervoi rossiiskoi konstitutsii) [Basic constitutional principles of “Soviet democracy” under conditions of “proletarian dictatorship” (95th anniversary of the adoption of the first Russian constitution)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [The bulletin of Kostroma state university named after N. Nekrasov], 2013, vol. 19, no. 4, pp. 161–165. (In Russian)

Ruutu K. Future, past and present in Russian constitutional politics: Russian constitutions in a conceptual-historical perspective. *Review of Central and East European Law*, 2010, vol. 35, no. 1, pp. 77–100.

Sanders D. *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881*. London, New York, Routledge, 1992, 400 p.

Scheinis V. L. Bol'shevistskaia vlast' i pervaja sovetskaia konstitutsiia [Bolshevik's power and the first Russian constitution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2012, no. 1, pp. 106–121. (In Russian)

Scheppele K. Constitutional negotiations. Political contexts of juridical activism in post-Soviet Europe. *International Sociology*, 2003, vol. 18, no. 1, pp. 219–238.

Schmid U. Constitution and narrative: peculiarities or rhetoric and genre in the foundational laws of the USSR and the Russian Federation. *Studies in East European Thought*, 2010, vol. 62, no. 3/4, pp. 431–451.

Schmitt C. *Diktatura. Ot istokov idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by* [Dictatorship. From the origin of idea of sovereignty to proletarian class struggle]. St. Petersburg, Nauka, 2005. 326 p. (In Russian)

Sharlet R. Russian constitutional crisis: Law and politics under Yel'tsin. *Post-Soviet Affairs*, 1993, vol. 9, no. 4, pp. 314–336.

Sharlet R. The prospect for federalism in Russian constitutional politics. *Publius: The Journal of Federalism*, 1994, vol. 24, no. 2, pp. 115–127.

Skipilev E. A. *Pervaia Sovetskaia Konstitutsiia* [The First Soviet Constitution]. Moscow, [no publ. h.], 1968, 53 p. (In Russian)

Stalin I. V. Organizatsiia Rossiiskoi Federativnoi Respubliki [Organization of the Russian Federative Republic]. *Sochineniia* [Opus]. Moscow, Politizdat, 1953b, vol. 4, pp. 66–73. (In Russian)

Stalin I. V. Zakliuchitel'noe slovo po dokladu o natsional'nom voprose 15 ianvaria [Final address on the report about national question January, 15]. *Sochineniia* [Opus]. Moscow, Politizdat, 1953a, vol. 4, pp. 33–36. (In Russian)

Trotsky L. D. *K istorii russkoi revoliutsii* [To the History of the Russian Revolution]. Moscow, Politizdat, 1990, 447 p. (In Russian)

Unger A. *Constitutional Development in the USSR. A guide to the Soviet constitutions*. London, Methuen & Co. Ltd., 1981, 310 p.

Walicki A. *Legal Philosophers of Russian Liberalism*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 1992, 477 p.

Zemtsov B. N. Konstitutsionnye osnovy bol'shevistskoi vlasti (pervaia sovetskaia konstitutsiia 1918 g.) [Constitutional base of Bolsheviks Power (the first Soviet Constitution of 1918)]. *Otechestvennaia istoriia* [Domestic history], 2006, no. 5, pp. 65–74. (In Russian)

For citation: Smorgunov L. V. Constitution of the RSFSR 1918: Law philosophy of war communism. *POLITEX: Political Expertise*. 2018, vol. 14, no. 1, pp. 29–48. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.103> (In Russian)